

В. В. Агеносов

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ПЕРВАЯ ВОЛНА

УЧЕБНИК ДЛЯ БАКАЛАВРИАТА И МАГИСТРАТУРЫ

*Рекомендовано Учебно-методическим отделом высшего образования
в качестве учебника для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по гуманитарным направлениям*

*Рекомендовано Министерством общего и профессионального
образования Российской Федерации для студентов педагогических вузов
и учащихся средних учебных заведений*

**Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru**

Москва ■ Юрайт ■ 2017

УДК 82(075.8)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6я73
А23

Авторы:

Агеносов Владимир Вениаминович — доктор филологических наук, профессор, академик РАЕН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры истории журналистики и литературы факультета журналистики Института международного права и экономики имени А. С. Грибоедова — предисловие, гл. 1—6; гл. 7 (совместно с Н. С. Выгон); гл. 8—14, 16—17;

Выгон Наталья Семеновна — доктор филологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета — гл. 7 (совместно с В. В. Агеносовым);

Леденев Александр Владимирович — профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова — гл. 15.

Рецензенты:

Голубков М. М. — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы XX века Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;

Солдаткина Я. В. — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета.

Агеносов, В. В.

A23 История литературы Русского Зарубежья. Первая волна : учебник для бакалавриата и магистратуры / В. В. Агеносов, Н. С. Выгон, А. В. Леденев. — М. : Издательство Юрайт, 2017. — 365 с. — (Серия : Бакалавр и магистр. Модуль).

ISBN 978-5-534-02922-2 (ч. 1)

ISBN 978-5-534-02923-9

В учебнике даются обзоры трех волн русской литературной эмиграции, которые чередуются с монографическими главами о творчестве наиболее видных деятелей русской диаспоры. В первой части рассказывается о первой волне литературы Русского Зарубежья (Д. Мережковский, З. Гиппиус, И. Шмелев, Б. Зайцев, М. Осоргин, А. Ремизов, М. Алданов, И. Бунин, В. Ходасевич, Г. Иванов, М. Цветаева, А. Несмелов, Б. Поплавский, Г. Газданов, В. Набоков, А. Аверченко, Тэффи), во второй части (выпущенной отдельным изданием) — о второй и третьей (Д. Кленовский, И. Елагин, Н. Моршен, Л. Ржевский и другие).

Содержание учебника соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Для студентов высших учебных заведений гуманитарного профиля, обучающихся по программам академического бакалавриата и магистратуры, аспирантов, преподавателей, а также всех интересующихся вопросами истории литературы Русского Зарубежья.

УДК 82(075.8)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6я73

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

ISBN 978-5-534-02922-2 (ч. 1)
ISBN 978-5-534-02923-9

© Агеносов В. В., Выгон Н. С.,
Леденев А. В., 2017
© ООО «Издательство Юрайт», 2017

Оглавление

Предисловие	5
Глава 1. «Под чуждым небосклоном»: первая волна русской эмиграции	8
1.1. Проблематика и художественные течения литературы Русского Зарубежья 1920—1940-х годов.....	11
1.2. В странах рассеяния: региональные различия в литературном творчестве ...	15
<i>Литература (аннотированный список)</i>	64
Глава 2. «Мы не разлучались...»: Дмитрий Мережковский (1865—1941), Зинаида Гиппиус (1869—1945)	67
<i>Литература (аннотированный список)</i>	86
Глава 3. «Самый русский из писателей»: Иван Шмелев (1873—1950).....	90
<i>Литература (аннотированный список)</i>	109
Глава 4. «Русский, верующий, любящий»: Борис Зайцев (1881—1972).....	112
<i>Литература (аннотированный список)</i>	127
Глава 5. «Вольный каменщик»: Михаил Осоргин (1878—1942)	130
<i>Литература (аннотированный список)</i>	143
Глава 6. «Сквозь огонь скорбей»: Алексей Ремизов (1877—1957)	145
<i>Литература (аннотированный список)</i>	162
Глава 7. «Ум резкий, сильный и насмешливый»: Марк Алданов (Ландау) (1886—1957)	165
<i>Литература (аннотированный список)</i>	182
Глава 8. «И счастлив я печальною судьбой»: Иван Бунин (1870—1953).....	184
<i>Литература (аннотированный список)</i>	197
Глава 9. «Грубой жизнью оглушенный»: Владислав Ходасевич (1886—1939).....	199
<i>Литература (аннотированный список)</i>	220
Глава 10. «Мне исковеркала жизнь талант двойного зренья...»: Георгий Иванов (1894—1958)	222
<i>Литература (аннотированный список)</i>	239
Глава 11. «Роман с собственной душой»: Марина Цветаева (1892—1941).....	241
<i>Литература (аннотированный список)</i>	254

Глава 12. «Прошедший все ступени»: Арсений Несмелов (Митропольский) (1889—1945).....	258
<i>Литература (аннотированный список)</i>	<i>273</i>
Глава 13. «И писать до смерти без ответа...»: Борис Поплавский (1903—1935).....	275
<i>Литература (аннотированный список)</i>	<i>295</i>
Глава 14. Обретение себя: Гайто Газданов (1903—1971)	297
<i>Литература (аннотированный список)</i>	<i>309</i>
Глава 15. «Ничья меж смыслом и смычком...»: Владимир Набоков (1899—1977).....	311
<i>Литература (аннотированный список)</i>	<i>334</i>
Глава 16. «Осколки разбитого вдребезги»: Аркадий Аверченко (1881—1925).....	337
<i>Литература (аннотированный список)</i>	<i>349</i>
Глава 17. «Мы смехом заглушим свои стенания»: Тэффи (Н. А. Лохвицкая) (1872—1952)	351
<i>Литература (аннотированный список)</i>	<i>361</i>
Вопросы и задания для самоконтроля	363

Предисловие

Литература Русского Зарубежья уже давно считается неотъемлемой частью литературного процесса XX столетия.

На родину постепенно вернулись произведения всех крупных писателей, эмигрировавших после Октябрьских событий 1917 г. С каждым годом появляются все новые имена, может быть, не столь значительных, как Бунин или Шмелев, Ходасевич и Г. Иванов, но хороших писателей, отлученных от России, но неизменно любивших ее.

После 1945 г. первое поколение писателей-эмигрантов пополнилось несколькими десятками в основном начинающих писателей из числа советских военнопленных, остарбайтеров и принципиальных врагов советской власти, отказавшихся возвращаться на родину, где их ждал ГУЛАГ¹ или в лучшем случае жизнь под подозрением в предательстве. К 1950—1960-м гг. они составили костяк авторов Русского Зарубежья.

В 1960-е гг. в вынужденной эмиграции оказалась большая группа писателей, «выдавленных» из СССР из-за несогласия с порядками брежневского застоя.

Сегодня книги авторов все трех эмиграций стоят на полках рядом с произведениями советских писателей, достойно дополняя и углубляя картину героической, драматической и трагической эпохи XX века.

Появились и научные исследования литературы Русского Зарубежья. Первой монографией стала книга выдающегося литературоведа **Глеба Петровича Струве** (1898—1985) «Русская литература в изгнании» (первое издание в 1956 г.). С тех пор книга неоднократно переиздавалась. Через 40 лет она стала достоянием российских читателей².

Выдающимся событием и научным подвигом А. Н. Николюкина (главный редактор) стало издание четырехтомной «Литературной энциклопедии русского зарубежья»³, правда, посвященной только периоду 1918—1940 гг.

В трудах отечественных ученых П. Н. Базанова, Н. А. Богомолова, В. Г. Бондаренко, Е. В. Витковского, Н. С. Выгон, А. М. Грачевой, М. М. Голубкова, О. В. Дефье, И. А. Есаулова, А. А. Забияко, Л. Г. Кихней, Б. А. Ланина, А. В. Леденева, Т. В. Марченко, О. Н. Михайлова, А. Н. Николюкина,

¹ Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых колоний в 1930—1950-х гг. (далее — ГУЛАГ). — *Примеч. ред.*

² Париж ; М. : Русский путь, 1996.

³ М. : РОССПЭН, 1996—2006.

Н. О. Осиповой, А. А. Саакянц, Н. М. Солнцевой, Л. А. Спиридоновой, А. И. Чагина и многих других содержится как анализ всего литературного процесса Русского Зарубежья, так и его отдельных представителей.

Существует и ряд учебников в помощь студентам и школьникам, изучающим литературу XX века.

Предлагаемая книга из их числа. Вышедшая в 1998 г.¹ и первая рекомендованная Министерством образования и науки для вузов и школ, она неоднократно переиздавалась в сокращенном виде как элективный курс для средних школ.

Однако за прошедшие годы наука совершила значительный скачок, появились новые сведения о писателях и литературном процессе русской диаспоры в целом. Студенту уже не надо искать зарубежные издания тех или иных книг: в России вышли репрезентативные издания произведений писателей Русского Зарубежья. Существенно обогатилась научно-исследовательская литература.

Все это потребовало внесения в новое издание существенных дополнений и уточнений. В первую очередь они относятся к спискам литературы, но задели и некоторые существенные вопросы толкования творчества отдельных писателей.

Вместе с тем сохранился основной принцип построения книги: обзоры трех волн русской литературной эмиграции чередуются с монографическими главами о творчестве наиболее видных деятелей русской диаспоры.

Было бы неразумным стремиться охарактеризовать все творчество того или иного писателя. Во-первых, это не только потребовало бы многих томов, но и просто не под силу одному человеку. Во-вторых, осилить столь большой материал трудно и читателю. Вполне достаточно познакомиться с основными книгами того или иного художника Русского Зарубежья. А на случай появления углубленного интереса и желания узнать дополнительный материал о творчестве любимившегося писателя каждая глава завершается подробным аннотированным списком литературы. Список начинается максимально полным перечнем произведений (собраний сочинений), написанных в эмиграции и опубликованных на родине. В первую очередь названы и проаннотированы статьи и монографии, доступные читателю, и лишь затем лучшие работы, изданные за рубежом. Читатель сам решит, с чем из названного ему следует непременно познакомиться, а что можно оставить на потом.

Наличие подробных аннотированных списков избавило автора от необходимости предлагать темы возможных курсовых работ, кандидатских исследований или школьных сочинений. Вдумчивый читатель определит их сам.

Контрольные вопросы в конце книги помогут понять, что же является главным к каждой главе, может быть, заставят вернуться к тому, что было упущено в первом чтении.

Автор выражает сердечную благодарность доктору филологических наук А. В. Леденеву, написавшему для первого издания книги главу о В. Набо-

¹ Агеносов В. В. Литература Russkogo зарубежья. М., 1998.

кове и переработавшему ее для нового издания; доктору филологических наук Н. С. Выгон, в соавторстве с которой написана глава о М. Алданове; в книге использованы фрагменты, написанные для первого издания кандидатом исторических наук В. В. Леонидовым и кандидатом филологических наук А. Ю. Леонтьевой.

Особая благодарность бывшему ведущему специалисту Министерства образования России, ныне сотруднику журнала «Литература в школе» г-же Т. А. Калгановой, в свое время сподвигнувшей меня на написание этой книги.

Огромную помощь советами оказали нам русские поэты В. А. Синкевич, Н. Н. Марченко (Моршен), А. С. Ржевская, профессор Р. В. Полчанинов (США). Предоставленные ими материалы легли в основу ряда глав.

Книга не была бы написана в срок без технической помощи моего бывшего студента, а ныне друга историка В. И. Кузьмичева.

Для удобства читателей книга издается в двух частях. В той, что вы держите в руках, рассказывается о первой (наиболее значимой) волне литературы Русского Зарубежья. Материалы о второй и третьей эмиграциях вошли во вторую часть книги.

Удачи студентам и пытливым школьникам, взявшим книгу для углубления знаний о материке «Литература Русского Зарубежья»!

Быть может, и любители литературы, уже давно вышедшие из школьного и студенческого возраста, найдут в книге что-нибудь для себя интересное.

Будем благодарны всем, кто сочтет нужным высказать свои продуктивные замечания и предложения по совершенствованию текста книги.

В. В. Агеносов,
доктор филологических наук, профессор,
академик Российской академии естественных наук,
заслуженный деятель науки Российской Федерации

Глава 1

«ПОД ЧУЖДЫМ НЕБОСКЛОНОМ»: ПЕРВАЯ ВОЛНА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

В результате изучения материала данной главы студент должен:

знать

- место литературы Русского Зарубежья в истории русской литературы XX века;
- основные литературные центры русской диаспоры (Берлин, Париж, Харбин);
- периодические литературные издания русской эмиграции («Современные записки», «Числа» и др.);

уметь

- характеризовать общественную и литературную ситуацию 1920—1940-х гг.;
- соотносить литературный процесс диаспоры и метрополии;
- оценивать литературоведческие исследования, посвященные первой волне русской эмиграции;

владеть навыками

- самостоятельной работы с учебной и научной литературой, посвященной первой волне русской эмиграции;
 - поиска информации, необходимой для написания рефератов, курсовых и дипломных работ;
 - работы с четырехтомной «Литературной энциклопедией русского зарубежья (1918—1940)».
-

Эмиграция из России началась задолго до Октябрьского переворота, а первым русским писателем-эмигрантом, видимо, следует считать князя Андрея Курбского (1528—1583), бежавшего «от царского гнева» и писавшего Ивану Грозному (1530—1584) обличительные публицистические письма далеко не личного содержания.

По данным Большой советской энциклопедии, поток эмигрантов вырос с 30 тыс. человек в 1887 г. до 291 тыс. в 1913 г.¹ Всего из царской России эмигрировали 1,7 млн человек, среди которых больший процент составляли украинцы, поляки, латыши, литовцы, финны, евреи и представители других национальных меньшинств. Главной причиной эмиграции было в первую очередь бедственное экономическое положение. В Европе и особенно в Америке беженцы искали работы, богатства и счастья. Немалую роль играли и политические факторы: притеснение, несправедливость, национальные ограничения, запрет религии. Так, уже в XX веке при помощи Льва Толстого (1828—1910) и Владимира Бонч-Бруевича (1873—1955) в Канаду выехала целая секта духоборов, чьи потомки до сих пор живут там отдельным селеньем.

¹ Большая советская энциклопедия (далее — БСЭ). Т. 64. М.: ОГИЗ, 1934. С. 118.

Особую категорию эмигрантов составляли революционеры самых различных ориентаций. Среди эмигрантов революционеров-писателей в разное время были Александр Тургенев (1784—1845), Александр Герцен (1812—1870), Николай Огарев (1813—1877), Максим Горький (1868—1936), Андрей Белый (1880—1934), Борис Зайцев (1881—1972), Борис Савинков (1879—1925) и многие другие.

Особенностью большинства эмигрантов (духоборы не в счет) было стремление как можно быстрее адаптироваться к новой реальности, войти в нее полноправными членами общества. Меньшая часть эмиграции воспринимала свое пребывание на чужбине как временное состояние, не теряла связи с родиной и, как правило, так-таки возвращалась в Россию.

Положение кардинально изменилось после Октябрьского переворота 1917 г. Впервые Россию покидали в столь огромном количестве русские люди. Массовый исход беженцев из России в Европу начался уже в январе — марте 1919 г. с уходом немцев с Украины и французов из Одессы и достиг подъема в 1920 г., когда войска Деникина (1872—1947) и Врангеля (1878—1928) покинули Новороссийск и Крым. Около 200 тыс. русских людей оказались в Константинополе, откуда они растекались по всему свету. Десятки тысяч ушли в Китай с армиями Колчака (1874—1920) и Каппеля (1883—1920). По далеко не полным данным всего после 1917 г. эмигрировало 2 млн человек. Вернулись не более 182 тыс.¹ Именно в эти годы возникло понятие «Русское Зарубежье».

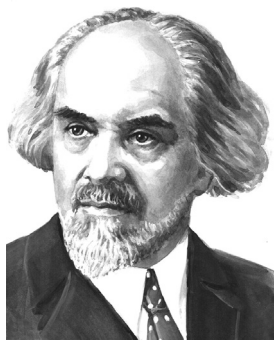
Видный американский исследователь, заслуженный профессор Колумбийского университета Марк Раев (1923—2008) назвал его «великой русской эмиграцией»². Основанием для такой оценки стал почти небывалый в истории факт сохранения первой волной русской эмиграции всех основных особенностей русского общества. Эмиграция, по словам поэтессы и критика Зинаиды Гippiус (1869—1945), «по сути представляла собой Россию в миниатюре». Первые несколько лет этому способствовало ожидание скорого возвращения на родину. Мысль о том, что не следует терять время и надо готовить себя для дальнейшего служения России, привела к возникновению уже тогда русских школ и высших учебных заведений (Русский университет, Технический институт, Сельскохозяйственная школа в Праге). Выходили газеты, отражавшие весь спектр политических партий дореволюционной России, хотя преобладало, как это ни покажется странным, либерально-демократическое направление. Объединяющую роль играла и Русская зарубежная церковь, вначале единая с Русской православной церковью, возглавляемой нестигаемым патриархом Тихоном (1865—1925), а в 1921 г. провозгласившая себя независимой (Карловацкий раскол). Вместе с тем, как справедливо указывает канадский исследователь Р. Джонстон, роль церкви была во многом снижена, так как в памяти демократической интеллигенции сохранилось воспоминание о тесной связи

¹ БСЭ. Т. 30. М. : Сов. энциклопедия, 1978. С. 163.

² Raef M. *Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919—1939*. N. Y. ; Oxford, 1990. Предисловие.

духовенства и самодержавия и о почти всегда реакционной позиции церкви в общественных событиях дореволюционных лет¹.

Удалось сохранить за рубежом и российскую науку: начало положила созданная в 1923 г. в Берлине по инициативе историка-медиевиста Павла Виноградова (1854—1925) Русская академическая группа. Подобные группы возникли в Софии, Варшаве, Риге. Одиннадцать томов научных трудов выпустил созданный из ученых России Белградский научный институт. Русские ученые внесли свой вклад в развитие экономики, химии, авиации, астрономии, медицины, антропологии, истории, филологии и — особенно — философии и богословия.

Уже в 1922 г. высланная из России группа религиозных философов во главе с **Николаем Александровичем Бердяевым** (1874—1948) создала в Берлине Свободную духовную и философскую академию.

Труды Сергея Булгакова (1871—1944) и Ивана Ильина (1883—1954), Николая Лосского (1870—1965) и Семена Франка (1877—1950), Федора Степуна (1884—1965) и Льва Шестова (1866—1938), Льва Карсавина (1882—1952) и Питирима Сорокина (1889—1968) стали духовной опорой русской интеллигенции за рубежом, внесли вклад в мировую философскую науку.

Особую страницу русской и мировой культуры составляет русский зарубежный театр. Достаточно сказать, что за границей оказалась добрая половина Московского художественного театра, в том числе Михаил Чехов (1891—1955). Эмигрантами были киноактер Иван Мозжухин (1889—1939) и великий Федор Шаляпин (1873—1938), звезды балета Анна Павлова (1881—1931), Вацлав Нижинский (1889—1950), Сергей Лифарь (1904—1986), Михаил Фокин (1880—1942), композиторы Сергей Рахманинов (1873—1943) и Игорь Стравинский (1882—1971). Среди художников-эмигрантов — Илья Репин (1844—1930), Константин Коровин (1861—1939), отец и сын Рерихи, Зинаида Серебрякова (1884—1967), Михаил Ларионов (1881—1964).

И все же первое место по своей демократичности и по влиянию на русское общество за рубежом занимала литература. За границей оказались, как уже говорилось, не только писатели, но и двухмиллионная армия простых людей, значительную часть которой составляли люди образованные. Тем самым создавалась возможность полноценного литературного процесса.

Из России уехал цвет русской литературы: Иван Бунин (1870—1953), Аркадий Аверченко (1881—1925), Константин Бальмонт (1867—1942), Зинаида Гиппиус, Дон-Аминадо (1888—1957), Борис Зайцев, Вячеслав Иванов (1866—1949), Александр Куприн (1870—1938), Михаил Осоргин (1878—1942), Алексей Ремизов (1877—1957), Игорь Северянин (1887—1941), Алексей Толстой (1883—1945), Тэффи (1872—1952), Иван Шмелев

¹ См.: *Jonston H. R. New Mecca, New Babylon: Paris and the Russian Exiles, 1920—1945.* Monreal, 1988. P. 45.

(1873—1950), Саша Черный (1880—1932), не говоря уже о более молодых, но подававших большие надежды Марине Цветаевой (1892—1941), Марке Алданове (1886—1957), Георгии Адамовиче (1892—1972), Георгии Иванове (1894—1958), Владиславе Ходасевиче (1886—1939).

1.1. Проблематика и художественные течения литературы Русского Зарубежья 1920—1940-х годов

Большинство писателей первой волны русской эмиграции осознавали себя хранителями и продолжателями русской национальной культуры, видели свой долг в сохранении гуманистических традиций Александра Сергеевича Пушкина (1799—1837) (его имя было символом для всей эмиграции, юбилеи поэта отмечались во всех странах русского рассеяния), Льва Николаевича Толстого и Федора Михайловича Достоевского (1821—1881). Утверждая приоритет личности перед государством, старшее поколение писателей Русского Зарубежья никогда не проповедовало индивидуализма. Русская идея соборности, слиянности человека с миром, обществом, природой, космосом в той или иной мере неизбежно присутствовала в их произведениях. Вместе с тем многие из них были наследниками литературы Серебряного века, недостижимым идеалом для которой являлась пушкинская идея внутренней гармонии человека, а близкими по духу — писатели послепушкинской поры Николай Гоголь (1809—1852), Михаил Лермонтов (1814—1841), Федор Тютчев (1803—1873), Федор Достоевский, ощущавшие трагедию разрушения гармонии, но тоскующие по ней и видящие ее восстановление в будущем. Вслед за художниками Серебряного века писатели Русского Зарубежья не приняли жестокий «железный век», «век-волкодав». Капитализм и западное общество с его бездуховностью и деячеством, наблюдаемые ими повседневно, не только не вызывали у них восторга, но напротив, воспринимались резко негативно. Заголовок одной из книг В. Ходасевича «Европейская ночь» мог бы стать эпиграфом ко многим произведениям русских эмигрантских писателей.

Эти настроения в еще большей степени пронизывали произведения молодых писателей, о чем будет сказано ниже. Здесь же ограничимся упоминанием имени поэта Антонина Ладинского (1896—1961), через все творчество которого проходит мотив гибели Европы и России, и цитатой из стихов молодого поэта-авангардиста Бориса Божнева (1898—1969):

И с омерзением приемлю,
И с отвращением смотрю
На прогнивающую землю
И безобразную зарю,
И небо пухнет надо мной,
И падаль чувствую дыханьем,
А утренний прозрачный гной
Мне отравляет обаянье.

Сквозным лейтмотивом всей русской литературы за рубежом проходит тема России, отвергшей своих детей, тоски по ней. «Темные аллеи» — назы-

вает свою книгу И. Бунин (и у читателя уже возникает воспоминание о родине и чувство ностальгии: на Западе липы редко сажают близко друг к другу). Воспоминаниями о светлом прошлом пронизана и бунинская «Жизнь Арсеньева». Писатель теперь не хочет вспоминать те темные стороны российской жизни, что он отразил в «Деревне». Издалека прошлая жизнь кажется ему светлой и доброй.

Россия, — писал известный романист и редактор одного из ведущих журналов Русского Зарубежья **Роман Борисович Гуль** (1896—1986), — «непрестанно живет в нас и с нами — в нашей крови, в нашей психике, в нашем душевном складе, в нашем взгляде на мир. И хотим мы того или не хотим — но так же неосознанно — мы ведь работаем, пишем, сочиняем только для нее, для России, даже тогда, когда писатель от этого публично отрекается»¹.

«Мы не в изгнании, мы в послании», — кратко и выразительно сформулировал эту же мысль Дмитрий Мережковский (1865—1941)².

«Если кончается моя Россия — я умираю»³, — емко и ярко сказала З. Гиппиус.

Воспоминания о России, ее красоте и прекрасных людях вызвали к жизни целый ряд автобиографических произведений о детстве («Богомолье», «Лето Господне» И. Шмелева, трилогия «Путешествие Глеба» Б. Зайцева, «Детство Никиты, или Повесть о многих превосходных вещах» А. Толстого). Ведь именно в детском возрасте человек наиболее остро воспринимает прекрасное.

Сложную гамму отношений русской эмиграции к родине отлично передают стихи поэта **Юрия Константиновича Терапиано** (1892—1980):

Россия! С тоской невозможной
Я новую вижу звезду —
Меч гибели, вложенный в ножны,
Погасшую в братьях вражду.
Люблю тебя, проклинаю.
Ищу, теряю в тоске,
И снова тебя заклинаю
На дивном твоём языке.

¹ Гуль Р. Я унес Россию: апология эмиграции : в 3 т. Т. III. Нью-Йорк : Мост, 1989. С. 166.

² Авторство этой емкой формулы различные мемуаристы приписывают то Мережковскому, то Гиппиус. Ольга Матич в статье «Литература третьей волны: границы, идеология, язык» (Новое литературное обозрение. 2014. № 3) утверждает, что фраза принадлежит Нине Берберовой, и в доказательство приводит строки ее «Лирической поэмы» (Современные записки. 1927. № 30. С. 230). Трудно предположить, что высказывание впервые прозвучало только в 1927 г. Вероятнее, что Берберова включила в поэму уже ранее кем-то высказанное изречение.

³ Цит. по: Гуль Р. Я унес Россию: апология эмиграции. Т. I. Нью-Йорк, 1984. С. 127.

Ему вторит **Зинаида Шаховская** (1906—2001) в стихотворении «Россия»:

О тебе кричать... Тебя забыть...
Это все, что нам теперь осталось.
И еще — осталась в сердце жалость,
Нам велящая тебя любить.

Ей же принадлежат и строки:

Россия — горе, странная тоска.
Ничем не утоляемая жажда,
Горсть пепла теплого,
Горсть теплого песка,
Ревниво берегаемая каждым.
(Россия — сон? Предвиденье? Обман?..)

Еще более драматичны строки Георгия Адамовича:

Когда мы в Россию вернемся — о, Гамлет восточный,
когда? —
Пешком по размытым дорогам, в стоградусные холода,
Без всяких коней и триумфов, без всяких там кликов...
пешком,
Но только наверное знать бы, что вовремя мы
добредем...
Когда мы в Россию вернемся... но снегом ее замело.
Пора собираться. Светает. Пора уже двигаться в путь.
Две медных монеты на веки, скрещенные руки на грудь.

Уже после Второй мировой войны, в 1948 г., один из старейших поэтов Валентин Горянский (1887—1949) в октавах «Невская симфония»¹ пушкинским стихом восславит Северную Пальмиру и будет говорить о возрождении «града Петрова».

Ностальгическими мотивами проникнуты рассказы сборника «Марьянка», написанного молодым прозаиком бунинской школы Леонидом Зуровым (1902—1971).

Впрочем, Л. Зуров не ограничивается светлыми воспоминаниями. В его книгах делается попытка художественно постичь причины революции, сказать о вине русской интеллигенции. Таков его роман «Древний путь» (1934)² о драматичных взаимоотношениях молодого барина Назимова, вернувшегося с фронта, с крестьянами. Обреченность довоенного и дореволюционного Петербурга, картины разложения и безумия показаны в неоконченном романе «Зимний дворец»³, главные герои которого «вольноперы» и «прапоры» носят автобиографический характер.

Изображению Гражданской войны, ледящего холода, бесприюта, зверств как со стороны белых, так и красных, посвящен «Ледяной поход

¹ Возрождение. 1956. № 54—55.

² На родине опубликован в журнале «Север» (1992. № 6).

³ Отрывки опубликованы в альманахе «Встреча» (Париж, 1945. № 1—2), в «Новом журнале» (1949. № 39—41).

(с Корниловым)» (1921) Р. Гуля. Массовое озверение, овладевающее неплохими людьми по обе стороны фронта, показано в романе Евгения Чирикова (1864—1932) «Зверь из бездны» (1923). «Одни обманывают, другие обманываются, и все вместе занимаются убийствами, разбоями и разрушением», — пишет автор. — «Сумасшедшими делаются... люди и события». Осмыслению причин революции посвящены исторические романы М. Алданова и трехтомный «Распутин» (1924—1925) Ивана Наживина (1874—1940).

Широкое распространение получает жанр романа-биографии. Если в советской литературе это были биографии бунтарей, предводителей крестьянских восстаний Разина и Пугачева, большевиков-революционеров, то писателей эмиграции интересовали деятели культуры и неоднозначные фигуры декабристов.

Михаил Цетлин (1882—1945) написал роман-исследование «Декабристы: Судьба одного поколения» (1933). Ему же принадлежит книга «Пятеро и другие» (1944). Пятеро — это Владимир Стасов (1824—1906), Михаил Глинка (1804—1857), Милий Балакирев (1836—1910), Александр Бородин (1833—1887) и Модест Мусоргский (1839—1881). В числе других — Николай Римский-Корсаков (1844—1908), Александр Даргомыжский (1813—1869), Валентин Серов (1865—1911), Цезарь Кюи (1835—1918).

Книги о русских композиторах «Чайковский: история одинокой жизни» (1936) и «Бородин» (1938) создала **Нина Николаевна Берберова** (1901—1993).

Однако наиболее распространенной темой литературы Зарубежья была жизнь самой эмиграции. Она отражалась в самых разных жанрах и стилевых направлениях.

Трагедия бытия и способы хотя бы временной победы над ней составляли содержание книг Ивана Бунина. Мучительный поиск Бога, смысла жизни и предназначения человека пронизывал стихи и прозу Бориса Поплавского (1903—1935), романы Гайто Газданова (1903—1971), лирическую прозу Юрия Фельзена (1894—1943) о бесцветной жизни, несостоявшемся счастье и переживаниях молодого человека («Обман», 1930; «Счастье», 1932; «Письма о Лермонтове», 1935).

Широкое распространение приобретает и бытовая проза, характерным представителем которой стала Ирина Одоевцева (1895—1990). Героини ее рассказов и романов «Ангел смерти» (1928), «Изоolda» (1929) — русские девушки-подростки, познавшие горечь любви и эмигрантской жизни и трагически закончившие свое существование. Кончают жизнь самоубийством русская женщина и французский кинорежиссер написанного с большим мастерством романа «Зеркало» (1939), где читатель видит события фрагментарно, как изображения в зеркале.

Более оптимистично писала о повседневном быте русских людей за рубежом Нина Берберова. «Последние и первые. Роман из эмигрантской жизни» (1930) — один из немногих романов эмиграции, где главный герой Илья Горбатов отказывается от ностальгии по России и пытается построить новую жизнь, жизнь фермера. Судьбам бывших деникинских и вран-

гелевских солдат и офицеров на французском заводе Рено, не утративших интерес к жизни, посвящен роман «Без заката» (1938). Любовь со страданиями, поисками и счастливым окончанием составляет содержание романа «Повелительница» (1932).

Тяжелая жизнь и выпавшие на их долю и долю их героев испытания не истребили в писателях русский оптимизм, надежду, умение с юмором воспринимать действительность. Характерно, что столь разные писатели, как Н. Берберова и В. Горянский в равной степени испытали потребность обратиться к сказовой, близкой зощенковской, манере повествования об эмигрантском быте. Речь идет о цикле рассказов Н. Берберовой «Брян-курские праздники» (1928—1940), повествующих, как говорила автор, «о людях без языка, выкинутых в Европу после военного поражения, о трудовом классе русской эмиграции...», и «Рассказах господина Тощенко» (1931) В. Горянского.

Соединение драматизма и комизма, лирики и юмора — особенность творческой манеры А. Аверченко, Тэффи, Дон-Аминадо¹.

Как видно из сказанного, русская литература за рубежом развивалась полноценно, многожанрово, многостильно. Впрочем, вопрос о стиле и языке решался далеко не просто. Старшее поколение русских писателей сохранило привязанность к неореализму рубежа веков, к чистому русскому слову. «Старшие, — вспоминала Н. Берберова, — откровенно признавались, что никакого обновленного стиля им не нужно... Было также усиленное давление со стороны тех, кто ждал от нас продолжения бунинско-шмелевско-купринской традиции реализма... Попытки выйти из него никем не понимались, не ценились. Проза Цветаевой... не была понята. Поплавский был прочтен после его смерти, Ремизова никто не любил»².

В этом консерватизме была и своя логика: нужно было сохранить великий русский язык; но была и некая неправильность: жизнь и литература не стояли на месте. На Западе, да и в России, появлялись книги, по-новому воссоздававшие действительность, проникающие в непознанные ранее сферы человеческой души, и игнорировать литературные достижения современности было бессмысленно. Отход, отталкивание от классических традиций с удержанием всего лучшего, как это и предполагает гегелевская диалектическая триада, был совершенно неизбежен.

Как и всегда, к новаторским поискам тяготело прежде всего молодое поколение, сформировавшееся уже в эмиграции: Владимир Набоков (1899—1977), Борис Поплавский, Гайто Газданов, Виктор Мамченко (1901—1982), Сергей Шаршун (1888—1975) и другие.

1.2. В странах рассеяния: региональные различия в литературном творчестве

Говоря о литературе русской эмиграции нельзя не иметь в виду, что русские колонии возникали во многих странах мира.

¹ О Дон-Аминадо см. статью В. Коровина // *Дон-Аминадо*. Избранное. М. : Терра, 1964.

² Одна или две русских литературы? L'Age d'Homme, 1981. С. 208.

На плантациях, фермах, на фабриках,
Где ни встать, ни согнуться, ни лечь,
В аргентинах, канадах и африках
Раздается московская речь, —

писал Алексей Ачаир (1896—1960) в широко известном стихотворении «В странах рассеянья»:

В академиях, школах, на улицах,
Вспоминая Кавказ и Сибирь,
Каждый русский трепещет и хмурится,
Развевая печальную быль.

И во всех центрах русского рассеяния шла своя литературная жизнь. Можно говорить не только о едином процессе русской литературы за рубежом, но и региональных особенностях литературного процесса в зависимости от расположения региона по отношению к России, от условий быта эмигрантов. Наиболее существенны отличия русских художественных школ Западной Европы (Берлин, Париж) и Дальнего Востока (Харбин, Шанхай). Имеет свои особенности и творчество писателей, осевших в славянских странах (Чехословакии, Болгарии, Югославии).

Однако исследователи давно отмечают и смену литературных центров Русского Зарубежья, их смещение сначала во Францию, а позже в Америку.

Только с учетом специфики регионов рассеяния можно воссоздать более-менее полную историю русской литературы за рубежом.

Первым городом, где оказался большой поток русских беженцев, стал

Константинополь

Этот город не был русской литературной Меккой, как Берлин или Париж, но через него проследовали в Европу почти все эмигранты.

В ноябре 1920 г. сюда на 66 кораблях прибыли 130 тыс. русских беженцев: 30 тыс. бойцов, 40 тыс. тыловики, 7 тыс. раненых, остальные — гражданские лица. 32—33 тыс. русских осели здесь надолго, остальные проследовали в страны Европы и (частично) Америки, но не в США, правительство которых из-за внутреннего экономического кризиса отказалось принимать русских эмигрантов.

23 ноября 1920 г. под председательством известного публициста Владимира Бурцева (1862—1942), в свое время разоблачившего провокатора Азефа (1869—1918), состоялось собрание русских писателей и журналистов, оказавшихся в Турции, где была создана комиссия для оказания помощи соотечественникам. Возглавил ее старейшина русской литературы Евгений Чириков.

Несколько ранее, 7 (20) марта 1920 г., здесь вышла газета *«Русское эхо»* (текст ее давался одновременно на русском и французском языках) под редакцией Ильи Василевского (1882—1938), более известного под псевдонимом Не-Буква.

Именно здесь впервые поэтически прозвучал мотив трагедии изгнанничества, столь характерный для всей последующей литературы Русского Зарубежья:

Из города в город бредем мы бесцельно,
С израненным сердцем, угрюмы и немые...
И в гневе бессильном, в тоске беспредельной,
Мы сами не знаем, откуда и где мы.
(Lolo¹. Беженцы)

Поэту вторил Старый писатель: «Что ужаснее стыда за родину? Моя мать несчастна, опозорена, и я, ее сын, не только бегу от нее, но стараюсь и вида не подать, что она моя мать?!»

В пяти вышедших номерах газеты были напечатаны два фельетона А. Аверченко («Возвращение» и «Опасности товарообмена»), заметки Тэффи о Стамбуле, выдержки из памятной книжки А. Куприна, где писатель с горечью говорил, что за два года после революции он не увидел «ни одного проблеска любви, великодушия, гордости».

С 6 мая 1920 г. и до 1925 г. в Константинополе издавалась также на двух языках газета **«Вечерняя пресса»** («Press de Soire»), в каждом третьем (а то и втором) номере которой печатался А. Аверченко. Постоянным автором публицистических статей был известный журналист и адвокат Сергей Варшавский (1879—1945), отец будущего прозаика Владимира Варшавского. Евгений Чириков даже после отъезда в Софию, а затем в Прагу присылал в «Вечернюю прессу» свои статьи.

Усилиями русской интеллигенции в августе 1920 г. в Константинополе была создана первая бесплатная библиотека-читальня. А в октябре того же года — вторая такая же читальня с платным абонементом.

Именно здесь вышел первый, пусть и не очень яркий по составу авторов, альманах писателей-эмигрантов «Рассвет» (1920, кн. 1), возникло первое русское издательское товарищество «Пресса», лишь за 1920 г. выпустившее 128 книг, 15 журналов и мелких брошюр.

В Константинополе возник первый Союз русских писателей и ученых (март 1921 г.) во главе с профессором-юристом С. К. Гогелем (1860—1933) и его заместителем С. Варшавским, первое литературно-художественное общество (имени А. П. Чехова) под председательством писателя-«знаньевца» Ильи Сургучева (1881—1956).

В русских ресторанах пел Александр Вертинский (1889—1957), большим успехом пользовался открытый все в том же 1921 г. под руководством А. Аверченко театр «Гнездо перелетных птиц» (покинул Турцию в апреле 1922 г.).

Проходили в Константинополе и литературные вечера, и обсуждения книг («Россия во мгле» Герберта Уэллса (1866—1946)), стихов Александра Блока (1880—1921), Сергея Есенина (1895—1925), статей Владимира Короленко (1853—1921). Русские писатели откликнулись на смерть Александра Блока, гибель Николая Гумилева (1886—1921), на трагедию Ивана Шмелева (болезнь после получения известия о расстреле в Крыму сына).

14 декабря 1921 г. из Константинополя ушел последний эшелон русской армии. Тем не менее можно утверждать, что за два года (1919—1921) Кон-

¹ Псевдоним Л. Г. Мунштейна (1867—1947) — поэта-фельетониста, драматурга, переводчика, издателя, театрального деятеля.

стантинополь стал прообразом той будущей великой русской эмиграции, которая сложилась в Праге, Берлине, Париже, Харбине.

Русская Прага

В 1920 г. чехословацкое правительство предприняло так называемую *русскую акцию*: пригласило в Прагу 5 тыс. русских студентов-эмигрантов для завершения учебы на казенном коште. Получили приглашение и профессора и преподаватели вузов. Третья категория эмигрантов, перед которыми правительство президента Томаша Масарика (1850—1937) распахнуло двери своей страны, были казаки. По данным БСЭ, в Чехословакии к 1934 г. проживало 30 тыс. русских беженцев.

Русские студенты учились в Карловом (Прага) и Братиславском университетах. Был создан и ряд русских учебных заведений. В частности, историко-филологическую культуру и общественные науки призван был сохранить Русский народный университет в Праге (основан в 1923 г.). Историко-филологический факультет университета возглавлял известный историк и публицист профессор А. А. Кизеветтер (1866—1933), отделение курсов русского и иностранных языков — критик и историк литературы, этнограф, фольклорист и писатель, профессор Е. А. Ляцкий (1868—1942).

В библиотеках Праги вместе с чешскими хранилищами насчитывалось 300 тыс. русских книг.

Да и в самой Праге ежегодно до начала Второй мировой войны издавалось около 20 журналов и 18 русских газет. Наиболее крупным общественно-литературным журналом был народнический еженедельник **«Воля России»**, редактируемый публицистом, критиком и переводчиком Марком Слонимом (1894—1976) и эсером, писателем Василием Сухомлиным (1885—1963). В состав редколлегии этого издания входила Марина Цветаева. Среди иностранных авторов были Томаш Масарик, Эдвард Бенеш (1884—1948), Ромен Роллан (1866—1944), Анатоль Франс (1844—1924), Томас Манн (1875—1955), Карел Чапек (1890—1938). Журнал печатал и советских писателей (Леонида Леонова (1899—1994), Исаака Бабеля (1894—1940), именно здесь был напечатан роман «Мы» Евгения Замятина (1884—1937)), и эмигрантов. Постоянными авторами журнала были молодые парижские писатели: Б. Поплавский, Г. Газданов и другие. Из писателей, известных до революции, много печаталась М. Цветаева и А. Ремизов. За годы своего существования журнал напечатал более тысячи художественных произведений.

В помещении редакции «Воля России» на Угльном Трге проводились совместно с парижским «Кочевьем» (благо и там и тут главой был вездесущий М. Слоним) вечера, посвященные обсуждению произведений советских писателей (Владимира Маяковского (1893—1930), Леонида Леонова, Михаила Зощенко (1894—1958), Валентина Катаева (1897—1986), Юрия Тынянова (1894—1943), Бориса Пильняка (1894—1938) и других) и авторов русской диаспоры (Бориса Поплавского, Гайто Газданова, Марины Цветаевой).

С 1922 по 1940 г. в Праге еженедельно собиралось литературное содружество **«Скит»**, бессменно возглавляемое философом и литературоведом

Альфредом Людвиговичем Бемом (1886—1945)¹. В него входили 36 участников, в том числе широко известные в Праге Николай Болецкис, поэты Эмилия Чегринцева (1904—1989), Алла Головина (1909—1987), Вячеслав Лебедев (1896—1969), поэтесса, прозаик, актриса Татьяна Ратгауз (1909—1993).

Некоторое время «Скит» издавал журнал *«Своими путями»* (1924—1926), в редакцию которого входил муж Марины Цветаевой публицист и литератор Сергей Эфрон (1893—1941). Название было выбрано не случайно. Русские пражане существенно отличались от писателей, живших в других странах русского рассеяния. В первую очередь — от парижан.

Поэтическая «пражская школа, — утверждал позднее известный историк и критик Г. П. Федотов (1886—1951), — ближе к Москве», чем к Парижу, а самая значимая в ней поэтесса «Марина Цветаева была не парижской, а московской школы»². Еще более обстоятельно писал об этом же А. Бем: «Если Париж продолжил линию, оборванную революцией, непосредственно примыкая к школе символистов, почти не отразив в себе русского футуризма и его своеобразного преломления в поэзии Б. Пастернака и М. Цветаевой, то Прага прошла и через имажинизм, смягченный лирическим упором С. Есенина, и через В. Маяковского, и через Б. Пастернака»³. Творчество Бориса Пастернака (1890—1960), Сергея Есенина и Николая Тихонова (1896—1979) привлекало внимание критиков журнала. Печатавшиеся здесь поэты эмиграции из парижского Союза молодых поэтов (см. далее) тоже тяготели именно к этой поэтической школе.

Несмотря на трудности с изданиями, «Скит» выпустил четыре сборника-тетради того же названия, что и само объединение.

В 1922 г. был создан **«Союз русских писателей и журналистов в Чехословацкой Республике»**, сотрудничавший с одноименными союзами в других странах. Почетными его членами были старейшины русской литературы В. И. Немирович-Данченко (1845—1936) и Е. Н. Чириков, а с чешской стороны — А. Ирасек (1851—1930) и И. Голечек (1853—1929). Первым председателем Союза (1922—1923) был избран известный публицист и социолог П. А. Сорокин. Среди 70 действительных членов: прозаик, драматург, критик А. В. Амфитеатров (1862—1938), выдающийся библиограф И. В. Владиславлев (Гульбинский) (1880—1962), ученый-педагог, философ, публицист и переводчик С. И. Гессен (1887—1950), философ Н. О. Лосский, экономист, публицист, историк, философ П. Б. Струве (1870—1944) и другие.

Союз издал *«Ковчег: Сборник Союза русских писателей в Чехословакии»* (1926), проводил камерные авторские вечера (Амфитеатрова, Цветаевой, Чирикова) и большие публичные собрания, где отмечались юбилеи Л. Толстого, М. Салтыкова-Щедрина (1826—1889), И. Гончарова (1812—1891), А. Писемского (1821—1881), А. Кони (1844—1927), В. Коро-

¹ Автор трудов о Достоевском, Пушкине, Гоголе. В мае 1945 г. был арестован советскими органами. Дальнейшая его судьба неизвестна.

² Федотов Г. П. О парижской поэзии // Ковчег. Н-Й., 1942. С. 191.

³ Бем А. Письма о литературе. Прага, 1996. С. 248.

ленко, А. К. Толстого (1817—1875); чествовали В. Немировича-Данченко, Е. Чирикова, Д. Ратгауза, Г. Гребенщикова (1883—1964); говорили о только что умерших (С. Есенине, А. Аверченко, П. Потемкине (1886—1926), В. Маяковском).

Многие заседания «Скита» и Союза русских писателей и журналистов проходили совместно. Так в 1935 г. состоялся вечер памяти Б. Поплавского, в 1936 г. — В. Немировича-Данченко. В 1930 г. Прагу посетил В. Набоков-Сирин, в 1936-м — И. Бунин, в 1937-м — И. Шмелев и А. Ладинский.

Менее крупным литературным объединением была «Далиборка» (1924—1933), взявшая свое название от кафе на Летне. В числе ее создателей: поэт, критик, издатель С. К. Маковский (1877—1962), прозаик, редактор, издатель Д. Н. Крачковский (1882—1947), поэт, прозаик, публицист, критик В. А. Амфитеатров-Кадашев (1888—1942), П. А. Кожевников (1872—1933). Однако наряду с ними здесь большую роль играли и молодые писатели, большинство из которых, правда, так и не получили известность. Членства в ней не было и, как пишет Л. Белошевская (1946—2013), «через нее прошла почти вся литературная русская Прага»¹.

Пражская диаспора обогатила русскую литературу в первую очередь поэзией Марины Цветаевой и прозой Аркадия Аверченко. Однако было бы неправильно сводить всю пражскую литературную ветвь к этим двум именам. Значительный интерес представляет творчество Аллы Головиной, урожденной баронессы Штейгер, чья поэзия, несмотря на трагизм и чувство обиды на отвергнувшую поэтессу родину, проникнута православным смиренным и прощающим чувством, надеждой на Ангела Спасения и победу всемирного братства. Не лишена интереса и поэзия Эмилии Чегринцевой и Татьяны Ратгауз.

Однако самое главное значение Праги — в сохранении ею славянской культуры, в близости к родине, достаточно тесной связи с Россией и литературой метрополии.

Примерно такую же роль, хотя и на очень коротком отрезке времени (1921—1923), играл

Русский Берлин

Русская диаспора в нем на начало 1922 г. составляла 250 тыс. человек. Об интенсивности ее духовной жизни свидетельствует тот факт, что за период с 1918 по 1928 г. в Германии было зарегистрировано 188 русских издательств. В 1923 г. они даже выпустили больше книг, чем все немецкие книгоиздатели.

Существенная особенность русского Берлина, пишет О. П. Раевская-Хьюз, «состоит в беспрецедентной интенсивности “диалога” метрополии и эмиграции внутри острова русской культуры»².

Литературу и литераторов Советской России и эмиграции связывали прежние знакомства, принадлежность к русским демократическим традициям. Не было еще и жесткого запрета советских «компетентных органов»

¹ Культурное наследие российской эмиграции: Книга вторая. С. 255.

² Русский Берлин. 1921—1923. Париж, 1983. С. 2.

на встречи с эмигрантами. Автор изданного в Советской России «Ледяного похода» эмигрант Роман Гуль вспоминает, что на одном из вечеров Дома искусств в кафе «Ландграф» присутствовал народный комиссар и член большевистского Политбюро А. И. Рыков (1881—1938). Владимир Маяковский в свой приезд провел с тем же Р. Гулем целый вечер, а с Константином Фединым (1892—1977) у Гуля была настоящая дружба. Борис Пильняк, считавшийся тогда «красным писателем», присутствовал на обеде у редактора кадетской газеты «Руль» Иосифа Гессена (1865—1943). Борис Пастернак переписывался с Мариной Цветаевой. Сергей Есенин дружил с анархистом и ярким антисоветчиком Михаилом Осоргиным.

Не случайно созданный Александром Семеновичем Яценко (1877—1934) в 1921 г. журнал «Русская книга» («Новая русская книга») уже в первом номере декларировал: «Для нас нет в области книги разделения на Советскую Россию и на Эмиграцию. Русская книга, русская литература едины на обоих берегах». Именно Яценко принадлежит популярная среди эмиграции 1920-х гг. «идея наведения мостов».

21 ноября 1921 г. в Берлине по инициативе А. Белого, А. Ремизова, А. Н. Толстого и профессора А. Яценко (о демократизме которого один из современников отзывался так: «Профессор-то кубанец, еще станишник, а от спинжака так и прет черноземом») был основан Дом искусств по подобию Петроградского (оба эти Дома, кстати, состояли в дружественной переписке). Собрания Дома искусств проходили сначала в кафе «Ландграф» на аристократичной Курфюрстенштрассе, 75, а позже переместились в кафе «Леон» на более демократичную площадь Ноллендорфплац. Здесь выступали как писатели-эмигранты (Андрей Белый, Алексей Ремизов, Алексей Толстой, Илья Эренбург (1891—1967), Владислав Ходасевич, Николай Оцуп (1894—1958)), так и приезжавшие из России Сергей Есенин, Владимир Маяковский, Борис Пастернак, Борис Пильняк, Владимир Лидин (1894—1979). Дом искусств широко отметил юбилеи Максима Горького и Владимира Короленко.

В 1923 г. после отъезда в Москву А. Н. Толстого, А. Белого, В. Шкловского (1893—1984) и в Лондон Н. Минского (1855—1937) Дом искусств прекратил свое существование. Напоминанием о нем стал «Бюллетень Дома искусств», появившийся в феврале 1922 г., где были постоянные рубрики «В России», «В Москве и Петербурге», прослеживались судьбы дореволюционных писателей в России. Большое место в «Бюллетенях» занимали юмористические миниатюры А. Ремизова.

Издательства

В Берлине в 1922 г. существовало 188 русских издательств. Они, с одной стороны, специализировались на русской классике, помогая читателям не забыть отечественную культуру, с другой — издавали произведения современных писателей, как эмигрантов, так и живущих в Советской России.

Созданное уже в 1919 г. издательство **«Москва»** выпустило «Хожение по мукам» А. Толстого (1922), рассказы для детей «Чудесное лето» (1922) Саши Черного.

Основанное в 1919 г. в Петрограде по инициативе М. Горького частное издательство **Зиновия Исаевича Гржебина** (1877—1929) в 1920 г. переместилось в Берлин. Гржебин заключил договор с Госиздатом об издании книг для России. Издательством был выработан план издания произведений русских классиков. Вышли избранные сочинения М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова (1821—1878), А. К. Толстого, А. П. Чехова (1860—1904), первый том избранных сочинений Н. С. Лескова (1831—1895). Особо следует отметить повесть И. Тургенева с рисунками Владимира Конашевича (1888—1963).

Издательство начало выпускать серию «Библиотека всемирной литературы». Из современных русских авторов: А. Белого, М. Горького, С. Есенина, Е. Замятина, Б. Пильняка, С. Подъячева (1866—1934), А. Ремизова, Ф. Сологуба (1863—1927), О. Форш (1873—1961), В. Ходасевича, Б. Пастернака, собрание сочинений Б. Зайцева в семи томах, два тома собрания сочинений А. Н. Толстого. Здесь же выходили книги по истории революции, издания для детей, в том числе «Биографии замечательных людей». Всего с мая 1922 по октябрь 1923 г. издано более 225 наименований. Однако Госиздат в 1921 г. разорвал договор, не оплатил заказанные издания и запретил их ввоз в Россию. В 1925 г. издательство переехало в Париж, но и там просуществовало недолго — разорилось.

В 1920 г. в Берлин из Москвы переехало и основанное Абрамом Григорьевичем Вишняком (1893—1944) еще до революции издательство **«Геликон»**. Оно предлагало книги современных авторов: А. Белого, М. Гершензона (1869—1925), Н. Крандиевской (1888—1963), Б. Пастернака, А. Ремизова, Ф. Сологуба, А. Н. Толстого, М. Цветаевой, В. Шкловского, И. Эренбурга. За 1920—1924 гг. существования в Берлине им было выпущено около 50 наименований книг и журналов. В том числе и уже упоминавшийся «Бюллетень Дома искусств в Берлине». В 1925 г. «Геликон» переехал в Париж, где с 1927 по 1937 г. продолжал свою деятельность.

Основанное в 1920 г. Иосифом Владимировичем Гессеном и Августом Исааковичем Каминкой (1865—1941) издательство **«Слово»**, просуществовавшее до 1935 г., выпустило только в Берлине более 80 наименований художественных книг, в том числе в серии «Современная литература» произведения М. Алданова, К. Бальмонта, И. Бунина, З. Гиппиус, Е. Замятина, А. Ремизова, Н. К. Рериха (1874—1947), Ф. Сологуба и других. В этом издательстве вышли первые прозаические произведения В. Набокова.

В начале 1922 г. в Берлине открылось отделение петроградского книгоиздательства **«Эпоха»** во главе с Соломоном Гитмановичем Каплуном (Сумским) (1883?(91)—1940). В число заслуг этого издательства входит выпуск девяти томного собрания сочинений А. Блока (1923) и основанного М. Горьким журнала литературы и науки «Беседа» (1923—1925), не допущенного в Россию.

Как филиал петроградского издательства **«Петрополис»** возник берлинский филиал с тем же названием (1920—1933), знакомявший читателей с современной литературой, независимо от принадлежности авторов к расееванию (М. Алданов, И. Бунин, Н. Берберова, М. Осоргин, В. Ходасевич и другие) или метрополии (А. Ахматова (1889—1966), О. Мандельштам

(1891—1938), Е. Замятин, Б. Пильняк, Н. Никитин (1895—1963) и другие). В 1924 г. связь с Россией оборвалась, и берлинский «Петрополис» стал функционировать как самостоятельное книгоиздательство. В 1933 г. издательство переехало в Брюссель.

«Славянская» тема и «крестьянская» литература широко популяризировались левоэсеровским издательством **«Скифы»** (1920—1925), издавшим одноименное стихотворение А. Блока, поэму «Двенадцать», статью Блока «Россия и интеллигенция», сборники стихов С. Есенина и Н. Клюева (1884—1937), статьи Р. Иванова-Разумника (1878—1946).

Наиболее последовательно курс на сближение писателей диаспоры и метрополии проводила редакция литературного приложения к газете сменовеховцев **«Накануне»** (1922—1925). Все движение сменовеховцев¹ было утопически сориентировано на постепенный переход советской власти от классовой политики к общедемократической. Газета знакомила эмиграцию с жизнью на родине, а ее литературное приложение (до своего возвращения в Россию его редактировал А. Толстой, а с 1923 г. — Р. Гуль) — с советской литературой и творчеством писателей-эмигрантов, разделявших сменовеховские позиции или хотя бы лояльных к советской власти.

В июле 1922 г. в Москве открылась контора редакции «Накануне». Ее возглавил журналист Михаил Левидов (1891—1942), сотрудничавший до октября 1917 г. в горьковской «Новой жизни» и тотчас после переворота перешедший к большевикам. Подробный и живой рассказ о деятельности московской редакции «Накануне» содержится в воспоминаниях Эм. Миндлина (1900—1981) «Необыкновенные собеседники»². Ограничимся поэтому лишь списком писателей, регулярно печатавшихся в журнале «Накануне». Эмигранты: А. Толстой, Саша Черный, М. Цветаева, И. Василевский (Не-Буква), Н. Петровская (известная всему литературному миру как Рената из брюсовского «Огненного ангела») (1879—1928), З. Венгерова (1867—1941), И. Соколов-Микитов (1892—1975), А. Кутиков (1896—1977), Е. Лундберг (1887—1965), Р. Гуль. Из молодежи наиболее часто печатались поэт В. Андреев (1903—1976) (сын Л. Андреева), Г. Венус (1898—1939) и С. Либерман (1901—1975). Писатели метрополии: А. Ахматова, М. Пришвин (1873—1954), С. Есенин, О. Мандельштам, М. Булгаков (1891—1940), М. Волошин (1877—1932), А. Грин (1880—1932), Вс. Иванов (1895—1963), В. Катаев, М. Кузмин (1872—1936), М. Левидов, В. Лидин, Л. Лунц (1901—1924), А. Мариенгоф (1897—1962), Эм. Миндлин, В. Муйжель (1880—1924), А. Неверов (1886—1923), Л. Никулин (1891—1967), Е. Петров (1902—1942), Б. Пильняк, Ю. Слезкин (1885—1947), К. Федин.

Литературное приложение (позднее оно стало называться **«Литературная неделя»**) рецензировало многие книги, выходившие как в России, так и за рубежом, помещало очерки (преимущественно принадлежавшие Р. Гулю) о молодых российских писателях (М. Зощенко, В. Катаеве,

¹ Основные идеи этого течения были сформулированы в сборнике статей «Смена вех», изданном в Праге в 1921 г., — отсюда и название движения. — *Примеч. ред.*

² М. : Сов. писатель, 1979.

Н. Никитине, Ю. Тынянове и других). Порой в своей защите советской действительности и новой морали выступления газеты были необъективны и грубы. Особенно этим страдали фельетоны Не-Буквы (И. Василевского).

Взаимоконтакты как на страницах книжных и газетных изданий, так и личные усиливали единство литературного процесса диаспоры и метрополии.

Некоторое время в Берлине пребывал М. Горький, уже после отъезда в Италию опубликовавший здесь (в «Беседе») «Отшельника», «Рассказ о безответной любви», «Рассказ о герое», «Карамору», «Рассказ о необыкновенном». Неореализм этих рассказов близок тем поискам, что вели в прозе И. Бунин, И. Шмелев, Б. Зайцев, М. Осоргин и другие писатели старшего поколения, несмотря на то, что далеко не у всех из названных писателей сложились нормальные отношения с Горьким. Горький-эмигрант поддерживал художественные поиски «Серапионовых братьев» (К. Федина, Л. Лунца, Н. Никитина, М. Слонимского (1897–1972), М. Зощенко).

В 1922 г. Берлин посетил В. Маяковский, выступавший на одном вечере с И. Северяниным и А. Кусиковым, ставшим к тому времени эмигрантом. На этом вечере присутствовал цвет русской интеллигенции в Берлине, устроивший поэту овацию не за его советские стихи (поэт читал преимущественно дореволюционные вещи), но за глубину чувств и поэтическое новаторство. Стилистические поиски Маяковского, некоторое время жившего в Берлине Б. Пастернака, бесспорно, оказали влияние даже на такую самобытную фигуру, какой была М. Цветаева, не говоря уже об эмигрантской молодежи.

Более сложно и серьезно взаимовлияние «скифской» темы и национальной поэтики проявилось в творчестве С. Есенина, А. Ремизова и М. Пришвина.

Нет сомнения, что формальные поиски А. Белого оказали свое влияние как на советских писателей Б. Пильняка и К. Федина, так и на эмигрантов В. Шкловского и И. Эренбурга.

Далеко не все из названных художественно-стилевых направлений получили дальнейшее развитие, но сам *факт напряженных поисков новых форм для адекватного отражения катаклизмов XX века характерен как для берлинского этапа русской зарубежной литературы, так и для советской литературы 20-х гг.* Это и позволяет говорить о тесном единстве этих двух потоков русской литературы именно в 1920-е гг.

Считается, что литературная жизнь Берлина пошла на убыль в 1923 г., когда в Германии наступил экономический кризис, стала галопировать инфляция (цены возросли в 200–300 раз), что привело к закрытию издательств и периодических изданий, а также к отъезду русских писателей в другие страны, в том числе и на родину. Вернулись А. Толстой, А. Белый, И. Эренбург, И. Соколов-Микитов, Д. Святополк-Мирский (1890–1939), Г. Алексеев (1892–1938), Г. Венус (трое последних погибли в период сталинских репрессий). Вместе с тем до конца 1920-х гг. в Берлине оставалась большая русская диаспора. До 1931 г. продолжала выходить газета «Руль». Ежегодно с 1928 по 1932 г. в Берлин приезжал К. Федин, в конце 1920-х гг. здесь гостили Ю. Тынянов, И. Груздев (1892–1960), Н. Никитин, Л. Сей-

фуллина (1889—1954), М. Слонимский, И. Эренбург. Видимо, прав Р. Гуль, утверждавший, что лишь «под конец 20-х годов Берлин перестал быть столицей Русского Зарубежья [и] начался исход русской интеллигенции»¹.

Германии еще будет суждено вновь ненадолго стать если не столицей, то одним из центров русской литературной эмиграции — сразу после Второй мировой войны, когда среди интернированных окажется множество русских писателей и журналистов, в том числе прозаики Николай Нароков (1887—1969), Сергей Максимов (1916—1967) и Борис Ширяев (1889—1959), поэты Иван Елагин (1918—1987) и его жена Ольга Анстей (1912—1985), Николай Моршен (1917—2001) и другие. Тогда же во Франкфурте-на-Майне начнет выходить журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли *«Грани»* (основан в 1946 г. Е. Романовым (1855—1922)), доживший до перестройки². Особый интерес представляют 44-я, 49—51-я книги журнала: в них помещена антология эмигрантской поэзии 1920—1960-х гг., составленная Ю. Терапиано и Э. Райсом (1909—1981). Однако большинство эмигрантов-писателей вскоре покинули Германию. Лишь для Д. Кленовского (1893—1976) она стала второй родиной.

Русский Париж

Литературно-общественные издания

Уже к 1923 г. литературная жизнь Русского Зарубежья стала перемещаться в Париж, ставший до его оккупации фашистами столицей русской культуры.

Здесь обосновалось 200—300 тыс. русских беженцев. Большая часть вынуждена была работать на заводе Рено, таксистами, официантами, горничными в богатых французских домах и даже чернорабочими. Особенно тяжело приходилась тем, кто не имел в России устойчивого положения. Если добавить к этому присущую русским людям (в том числе и тем, кто обрел творческую работу или устроился в различные деловые конторы) тоску по родине, куда им был закрыт путь, то можно представить особое настроение, господствовавшее в русской диаспоре и наложившее отпечаток на всю литературу русской эмиграции в Европе.

Это отнюдь не означало упадка духовной жизни. Во Франции были созданы семь высших русских учебных заведений, в том числе открыто русское отделение Парижского университета. Значительную роль играл Франко-русский институт (председатель — французский социолог Гастон Жез; председатель совета профессоров — один из создателей партии конституционных демократов Павел Николаевич Милюков (1859—1943)).

В марте 1921 г. он стал и редактором республиканско-демократической газеты *«Последние новости»* (1920—1940), тираж которой доходил до 35 тыс. экземпляров (что очень много для эмиграции), а редакция находилась в центре Парижа, на рю Тюрбиго, 26. В 1926—1928 гг. П. Милюков и М. Винавер (1863—1926) издавали близкий по духу к «Последним ново-

¹ Гуль Р. Я унес Россию. Т. 1. С. 295.

² Издательство «Посев» прекратило выпуск журнала в 1996 г.

стям» еженедельный литературный журнал «Звено»¹ (1923—1928), где с 1925 г. вел «Литературные беседы» поэт и критик **Георгий Викторович Адамович**, перешедший после закрытия «Звена» заведовать литературным отделом «Последних новостей». Лучший сборник его собственных стихов «На Западе» отличается камерностью, приглушенностью и недосказанностью, драматизмом и строгой простотой.

В «Звене» и «Последних новостях» печатались И. Бунин и И. Шмелев, Б. Зайцев и М. Алданов, З. Гиппиус и Г. Иванов, фельетоны Тэффи. Публиковали свои стихи В. Набоков (тогда еще Сирин), Б. Поплавский, Ю. Терапиано, Н. Берберова, Г. Кузнецова (1900—1976). Печатался молодой прозаик Юрий Фельзен. Журнал знакомил читателей с творчеством современных зарубежных авторов: Марселя Пруста (1871—1922), Теодора Драйзера (1871—1945), Редьярда Киплинга (1865—1936), Жана Кокто (1889—1963), Андре Моруа (1885—1967).

В журнале был серьезный критический раздел, в котором особо выделялись статьи блестящего историка, литературоведа и философа Петра Михайловича Бицилли (1879—1953) и Зинаиды Гиппиус.

Если «Последние новости» представляли либеральное направление, то газета **«Возрождение»** (1925—1940), редактировавшаяся Петром Бернгардовичем Струве, была умеренно-консервативным органом русской национальной мысли, придерживалась монархических взглядов, ратовала (как видно было из заголовка) за возрождение России. Здесь часто выступал тяготевший к традициям славянофильства выдающийся философ и критик **Иван Александрович Ильин**.

Из писателей постоянными и почетными авторами были И. Бунин, И. Шмелев, Д. Мережковский, Б. Зайцев. Большое внимание редакция уделяла статьям о русской классической литературе. Неприемлемым было отношение к писателям, сотрудничавшим с советской властью (М. Горький, И. Эренбург, А. Белый). Ведущей фигурой в литературном отделе газеты был поэт и критик Владислав Фелицианович Ходасевич, во многом не разделявший правых взглядов редакторов газеты и умевший сохранять свою независимость от них.

В 1935 г. между Г. Адамовичем и В. Ходасевичем возникла дискуссия о целях и смысле поэзии (а отчасти и всей литературы). Оба признавали ее кризис, но по-разному объясняли его причины и видели выход из создавшего

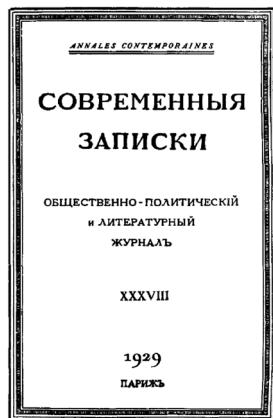

¹ С 1923 по 1925 г. издавалось как газета, приложение к «Последним новостям» и в том же формате.

гося положения. Адамович считал, что кризис в литературе отражает разложение общества и личности и потому требовал от поэтов в первую очередь правдивого анализа своего внутреннего мира, самоуглубленного постижения противоречий личности. Он отдавал пальму первенства интимной, дневниковой поэзии, утверждая, что это — главное в стихах. Ходасевич же считал, что если искусство серьезная вещь, цель которой преобразовать жизнь, то относиться к нему надо профессионально и потому настаивал на приоритете формы. Спор этот сегодня воспринимается как схоластический. Но его значимость станет понятнее, если сказать, что в подтексте дискуссии — вопрос об ориентации на лермонтовскую дисгармонию (Г. Адамович) или на пушкинскую гармонию (В. Ходасевич). Справедливо писал об этом критик и литературовед М. Цетлин: «В сущности разница между взглядами Адамовича и Ходасевича... не столь велика... Разница... только в оттенках... Акцент Адамовича, эгоцентрический, зовущий к правдивости и самоуглублению, кажется оправданнее, плодотворнее в настоящую минуту поэзии, чем противоположный, зовущий к бодрости, разнообразию, повернутости лицом к миру...»¹. Тремя годами позже об этом еще определеннее скажет в «Распаде атома» Г. Иванов, во многом единомышленник Адамовича и неумолимый критик Ходасевича. Жизнь и литература эмиграции не давали в основе своей писателю быть гармоничным, вели его к поиску новых выразительных средств для передачи трагизма XX столетия.

Большую роль в жизни русской литературной эмиграции играл **Илья Исидорович Фондаминский (Бунаков)** (1880—1942) — журналист и общественный деятель, человек широких взглядов, одержимый интересом к литературе и издательскому делу.

Самым значительным вкладом И. Фондаминского в развитие литературы Русского Зарубежья стало создание журнала **«Современные записки»** (1920—1940). Журнал отличался широтой политических взглядов и эстетической терпимостью.

«Современные записки», — говорилось в редакционном предисловии к первому номеру, — открывают широко свои страницы — устраняя вопрос о принадлежности авторов к той или иной политической группировке — для всего, что в области ли художественного творчества, научного исследования или искания общественного идеала представляет объективную ценность с точки зрения русской культуры». Вместе с тем это был, безусловно, демократический журнал, о чем со всей определенностью заявлялось в том же редакционном предисловии: «Современные записки» намерены проводить ту демократическую про-

¹ Современные записки. 1935. № 58. С. 460—461.

грамму, которая как итог русского освободительного движения XIX и начала XX века была провозглашена и воспринята народами России в мартовские дни 1917 года».

Мозгом редакции считался публицист и общественный деятель, член разогнанного большевиками Учредительного собрания, эсер **Марк Вениаминович Вишняк** (1883—1975), пользовавшийся, несмотря на свою вспыльчивость, любовью большинства авторов журнала.

Отделом прозы, самым ответственным в журнале, руководил бывший земский врач, эсер и тоже бывший член последнего

Учредительного собрания, милейший человек (что не мешало ему беспощадно править авторов журнала) **Вадим Викторович Руднев** (1879—1940).

В семидесяти номерах этого издания увидели свет «Хождение по мукам» А. Толстого (первые семь номеров), «Несрочная весна», «Звезда любви», «Митина любовь», «Солнечный удар», «Дело корнета Елагина» и «Жизнь Арсеньева» И. Бунина. С третьего номера и до самых последних здесь печатались М. Алданов («Святая Елена, маленький остров», «Девятое термидора», «Заговор», «Ключ», «Бегство», «Пещера», «Начало конца»). Постоянными авторами журнала были Б. Зайцев (здесь увидели свет «Улица Святого Николая», «Анна», «Дом в Пасси», «Путешествие Глеба», «Жизнь Тургенева»), М. Осоргин (в «Современных записках» опубликованы три его главные книги: «Сивцев Вражек», «Повесть о сестре», «Вольный каменщик»), Д. Мережковский («Тайна Трех: Египет и Вавилон», «Рождение богов», «Мессия», «Наполеон»). Несколько глав-рассказов из «Взвихренной Руси» и сказок поместил в «Современных записках» А. Ремизов. Из этого журнала читатели узнали нового И. Шмелева («История любовная», «Солдаты», «Няня из Москвы»). В трех книгах печаталось «Преступление Николая Летаева» А. Белого.

В журнале регулярно печатались поэты классической ориентации М. Цветаева (с первого номера), Г. Иванов, З. Гиппиус, Г. Адамович, В. Ходасевич, Н. Оцуп, на первых порах часто появлялись стихи К. Бальмонта. Свои «Римские сонеты» и ряд стихотворений дал журналу Вяч. Иванов.

Гораздо реже находили приют на страницах журнала молодые авторы. Наиболее печатаемыми были поэты Н. Берберова (в 16 номерах), А. Ладинский (в 15), Б. Поплавский и В. Смоленский (1901—1961) (в 11), А. Штейгер (1907—1944) (в 8 номерах). Из начинающих прозаиков редакция выделила В. Набокова (Сирина) и издала все его лучшие книги: «Защита Лужина», «Самера obscura», «Отчаяние», «Приглашение на казнь», «Дар». Из другой молодежи предпочтением пользовались двое: Г. Газданов (кроме большой «Истории одного путешествия» были напечатаны несколько маленьких рассказов писателя) и В. Яновский (1906—1989) («Преображение»).

Гордостью «Современных записок» был литературно-философский раздел. Со статьями о русской классической литературе и современном литературном процессе выступали Г. Адамович, М. Алданов, профессор П. Бицилли, В. Вейдле (1895—1979), З. Гиппиус, Б. Зайцев, М. Осоргин, В. Ходасевич, М. Цветаева, М. Цетлин. Журнал опубликовал ряд работ русских религиозных философов, ставших событиями в истории мировой философии. Это были труды Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, В. В. Зеньковского (1881—1962), Н. О. Лосского, Г. П. Федотова, Г. В. Флоровского (1893—1979), Л. И. Шестова и других. На страницах «Современных записок» выступали такие публицисты и политики, как «бабушка русской революции» Е. К. Брешко-Брешковская (1844—1934), П. Н. Милуков, Е. Д. Кукова (1869—1958), А. Ф. Керенский (1881—1970), В. А. Маклаков (1869—1957), историк профессор А. А. Кизеветтер. С первых номеров и почти до самого прекращения издания журнала статьи, посвященные прошлому и настоящему России, публиковали И. Бунаков, М. Вишняк и В. Руднев.

Журнал откликался на большинство вышедших за рубежом и в России книг практически по всем отраслям знаний.

В июне 1937 г. те же три редактора начали издавать на средства граждан шанхайской русской эмиграции журнал *«Русские записки»*. Первые три номера этого издания практически не отличались от «Современных записок» ни программой, ни составом авторов (И. Бунин, Д. Мережковский, М. Алданов, М. Цветаева, З. Гиппиус, А. Ладинский, Ю. Терапиано, Ю. Софиев (1899—1975), Г. Адамович, М. Осоргин, Л. Шестов, Н. Бердяев). Единственным новым автором оказался харбинец Арсений Несмелов (1889—1945) («Песни об Уленспигеле»). Да еще в каждом номере имелось небольшое количество статей о Дальнем Востоке.

Положение изменилось с четвертой книги журнала, когда его единственным редактором стал П. Милуков, сманивший туда в качестве секретаря редакции М. Вишняка, к тому времени рассорившегося с «современниками». «От типа традиционного “толстого” журнала старого времени», — говорилось в редакционном извещении к четвертой книжке «Русских записок», — журнал переходит «к типу, приближающемуся к обычным иностранным Revues с подбором статей преимущественно актуального и информационного характера». И хотя в дальнейшем на страницах этого издания появилось несколько первоклассных художественных произведений («Пуншевая водка» М. Алданова, рассказы Г. Газданова, воспоминания Б. Зайцева, «Повесть об отце» В. Андреева (сына Л. Андреева), «Детство» М. Осоргина), регулярно публиковались стихи молодых поэтов и немало достойных публицистических работ, в том числе печатавшиеся из номера в номер воспоминания самого П. Милукова и статьи М. Вишняка, «Русские записки» в целом уступали своему «толстому» чисто литературному собрату. Впрочем, и выходили они недолго: в 1939 г. издание прекратилось. Общий уровень «Русских записок» и их значение в развитии русской реалистической литературы несопоставимы со старейшим журналом русской эмиграции.

В 1930-е гг. на квартире И. Фондаминского в доме 130 на авеню де Версай раз в месяц за достаточно богато накрытым столом собиралась

в основном литературная молодежь (Ю. Фельзен, В. Яновский, Ю. Терапиано, Л. Червинская (1907—1988), Л. Зуров, С. Шаршун и другие) и религиозные мыслители (Г. П. Федотов, Н. А. Бердяев, К. В. Мочульский (1892—1948), мать Мария¹) для обсуждения насущных вопросов выхода из тьмы, надвигающейся на Европу. Собрания эти оформились в объединение «*Круг*» (1935—1939). Состоялось восемь бесед. Протоколы первых заседаний объединения печатались в те же годы в религиозно-философском журнале «*Новый град*» (1931—1939), издаваемом все тем же И. Фондаминским в содружестве с философами Ф. Степуном и Г. Федотовым. «Круг» издал три книги альманаха под тем же названием (1936—1938). Именно там напечатан в отрывках роман Б. Поплавского «Домой с небес», рассказы В. Яновского, Ю. Фельзена, С. Шаршуна. Поэтический раздел первого номера альманаха открывало программное стихотворение Г. Адамовича «Когда мы в Россию вернемся... о, Гамлет восточный, когда?» и «Отрывки» Г. Иванова, остальные авторы этой и последующих книг альманаха — молодежь (В. Смоленский, Ю. Софиев, Ю. Терапиано, И. Одоевцева, Л. Червинская, А. Штейгер, Л. Кельберин (1907—1975), Г. Раевский (1897—1963), Д. Кнут (1900—1955) и другие). Религиозно-метафизические и литературно-критические статьи написаны как представителями старшего поколения (Г. Федотов, В. Ходасевич, З. Гиппиус, П. Бицilli, К. Мочульский), так и молодежью.

Воскресные чтения у Мережковских

Одним из объединяющих центров русской литературной эмиграции стала квартира Мережковских на 11-бис Авеню дю Колонель в фешенебельном районе Парижа — Пасси.

По форме они напоминали дореволюционные воскресные собрания вечера писателей на петербургской квартире Мережковских. Проходили они с 16 до 19 ч и собирали весь цвет «русского Парижа». Постоянными участниками этих собраний были Г. Адамович, М. Алданов, Б. Зайцев, Тэффи, Г. Иванов с И. Одоевцевой, В. Ходасевич с Н. Берберовой, Н. Оцуп. Захаживал на них И. Бунин. Из философов частыми гостями Мережковских были Н. Бердяев, Б. Вышеславцев (1877—1954), Л. Шестов, Г. Федотов. Бывали здесь издатели и критики И. Фондаминский (Бунаков), С. Маковский, М. Цетлин. В гостиной Мережковских можно было встретить А. Керенского и Б. Савинкова, других ранее непримиримых политических деятелей России.

Хозяева проявляли неизменный интерес к литературной молодежи, и потому среди собиравшихся регулярно появлялись Б. Поплавский, Ю. Терапиано, В. Варшавский (1906—1978), С. Шаршун, Л. Червинская, Б. Вильде (1908—1942), Ю. Фельзен, Г. Кузнецова и многие другие.

По воспоминаниям очевидцев, собравшиеся делились на две группы.

Одна — вокруг Зинаиды Николаевны. Ее любимым собеседником был Г. Иванов, уступавший свое место тому или иному «новичку», которого

¹ Мать Мария в миру Елизавета Юрьевна Скобцова (1891—1945), поэтесса, общественный деятель.

Гиппиус подвергала подробному опросу о его взглядах на литературу, религию, эмигрантскую жизнь. Здесь говорили и спорили о литературе, о только что вышедших журналах, особенно много рассуждали о поэзии.

Вторую группу составляли «метафизики». Они обсуждали с Мережковским религиозные идеи, проблемы философии.

И в той и в другой группе не исключались жаркие споры.

Секретарь Мережковских Владимир Злобин (1894—1967) разносил чай с бисквитами и булочками. Самым «интересным», с точки зрения Зинаиды Николаевны, гостям подавался кофе и рюмка любимого ликера Мережковских «*Le moine miraculeuse*» («Монах»).

К концу вечера разговор становился всеобщим. Порой Дмитрий Сергеевич или Зинаида Николаевна рассказывали о прошлом: о литературной жизни дореволюционной России, о своих встречах с Л. Толстым, В. Соловьевым (1853—1900), Ф. Сологубом, А. Блоком, А. Белым. Это была своего рода живая история русской литературы, чрезвычайно полезная для литературной молодежи.

Часто вечера заканчивались или даже полностью были посвящены чтению стихов: читали и гости, и хозяева.

Да и вся атмосфера «воскресений» Мережковских способствовала сохранению той высокой духовной жизни, которой всегда жила русская интеллигенция. Собрания на квартире у Мережковских продолжались с перерывами на время отъездов супругов до 1940 г., когда немцы оккупировали Париж.

Из этих вечеров выросло более широкое объединение —

«Зеленая лампа»

Название общества возникло по ассоциации с литературно-политическим кружком, собиравшимся в 1819—1820 гг. в доме петербургского богача и страстного театрала Н. Всеволожского. Членами этого кружка были А. Пушкин, А. Дельвиг (1798—1831), Ф. Глинка (1786—1880), Н. Гнедич (1784—1833) и многие будущие декабристы. Зеленая лампа на столе во время их заседаний символизировала «свет и надежду».

Именно эти настроения должна была поддерживать в русской эмиграции новая «Зеленая лампа». Другим объединяющим свойством обоих обществ выступивший со вступительным словом на первом собрании «Зеленой лампы» 5 февраля 1927 г. В. Ф. Ходасевич назвал принадлежность к роковому времени, обозначенному в пушкинской поэзии символом кометы 1811 г., вслед за появлением которой для России наступили большие исторические испытания. «Вино кометы, — утверждал В. Ходасевич, — воодушевляло важные роковые споры. Среди окружающей тупости, умственной лености и душевного покоя оно помогало беречь умы и оттачивать самое страшное, самое разительное оружие — мысль... Мы тоже не собираемся “перевернуть мир”, но мы хотели бы здесь о многом помыслить, главным образом, — не страшась выводов»¹. В условиях чужбины, «пустоты, призрачности, бескровности, бесплодности»

¹ Цит. по: *Тератиано Ю.* Встречи: 1926—1971. М. : Интрада, 2002. С. 309.

эмиграции, — развивал мысль коллеги Д. С. Мережковский на том же февральском собрании общества, — когда «зараза усталости, обывательщины очень сильна. Воздух наш напоен тончайшим ядом. <...> Мы теряем понемногу чистые понятия свободы и родины», задача «Зеленой лампы» — «искать противоядий», искать слов, которые слили бы воедино Россию и Свободу¹.

Формально «Зеленая лампа» являлась закрытым объединением, попасть туда можно было только по приглашению организаторов. Другое дело, что получить такое приглашение не составляло особого труда. Постоянными участниками собраний были И. Бунин с супругой, Б. Зайцев, М. Алданов, А. Ремизов, В. Ходасевич, Тэффи и другие писатели, получившие известность еще до революции и объединенные в «Союз писателей и журналистов». На заседаниях присутствовали редакторы журнала «Современные записки» М. Вишняк, И. Фондаминский (Бунаков), В. Руднев, представители как «Возрождения», так и «Последних новостей». Частыми гостями и участниками дебатов были философы Н. Бердяев, Л. Шестов, Г. Федотов. Дискуссионную ноту вносили в заседания молодые писатели Б. Поплавский, В. Варшавский, Д. Кнут, поэт и пианист Л. Кельберин.

Для собраний выбирались представительные залы, вмещающие несколько сот человек. Начинались заседания в 21 ч, когда за накрытый зеленым сукном стол усаживались Георгий Иванов — бессменный председатель всех собраний, справа и слева от него по концам стола Д. Мережковский и З. Гиппиус, между председателем и Мережковским — очередной докладчик. Постоянный секретарь общества, он же секретарь Мережковских, молодой писатель Владимир Злобин в президиуме не сидел, а собирал с присутствующих небольшую плату, чтобы оплатить аренду зала.

Докладчика перебивать не полагалось: за этим строго следил председательствующий. Он же стремился «укротить» самых несдержанных на язык участников прений. После их завершения докладчик получал заключительное слово, где спорил или соглашался со своими оппонентами. Порой заключительное слово брал и Д. Мережковский, чей ораторский талант намного превосходил его писательские способности.

За время существования «Зеленой лампы» (с 5 февраля 1927 по 26 мая 1939 г.) состоялось 52 заседания.

Стенограммы первых пяти заседаний «Зеленой лампы» печатались в журнале «Новый корабль» (1927—1928). Отчеты о последующих появлялись в газете «Возрождение» (1928—1929), отдельные доклады печатались в виде статей в журнале «Числа» (1931, № 2/3; 1935, № 5)².

Особый интерес представляет разговор, вызванный докладом З. Гиппиус «Русская литература в изгнании», длившийся на протяжении двух заседаний февраля — марта 1927 г. Достаточно сказать, что в нем, кроме докладчицы, приняли участие И. Бунин, Д. Мережковский, В. Ходасевич,

¹ Цит. по: *Терапиано Ю.* Встречи: 1926—1971. С. 309.

² Протоколы пяти первых бесед («О литературной критике»; два заседания на тему «Русская литература в изгнании»; «Русская интеллигенция как духовный орден», «Есть ли цель у поэзии?») опубликованы в кн. *Ю. Терапиано* «Встречи: 1926—1971». С. 48—70, 305—331.

Н. Берберова, М. Вишняк, Г. Адамович и ряд других менее известных писателей.

Участники дискуссии исследовали духовное состояние русской эмиграции, говорили о том, что если перед революцией 1917 г. «целостное духовное состояние» русской интеллигенции «было разорвано» и «с таким разорванным сознанием русская интеллигенция перешла в эмиграцию и в таком состоянии пребывает до сих пор»¹, то задачей литературы является сохранение и восстановление этой целостности, и эту задачу уже начали выполнять «Современные записки» (И. Фондаминский (Бунаков)).

Большое внимание было уделено вопросу о том, может ли русский писатель сохранить в эмиграции свою русскость; не помешают ли ему оторванность, «отрыв от почвы»², от истоков и влияние европейской культуры (порой далеко не высшей пробы) создавать произведения русской национальной культуры. Наконец, плодотворно ли обращение к темам, далеким от жизни Отечества. «Мне было тяжело слышать, что мы задыхаемся, погибаем... Я не вижу задыхающихся... Выход из своего пруда в реку, в море — это совсем не так плохо и никогда плохо не было для художественного творчества», — утверждал И. Бунин³.

В свете этого особое место занял вопрос о литературной молодежи. В. Ходасевич говорил о засилье «стариков» в литературных журналах и о праве молодежи на эстетический поиск. Но он же подчеркивал, что литература «не ясли, в которые пускают всех по признаку беспризорности»⁴. Яростно отстаивала право молодежи называться русской и при этом писать не о России, а о своей эмигрантской жизни Н. Берберова. «Можно всю жизнь писать и о джаз-банде, — полемизировала Н. Берберова с З. Гиппиус, — оставаясь русским писателем». Молодежь, — говорила начинающая писательница, — «не может допустить, чтобы ее всерьез уверяли, что она мертва, ибо живет в Европе, в которой все русские задыхаются. Она считает изгнание трагедией... И, сознательно относясь к этой трагедии, она жертвует своим пребыванием в России ради того глубоко русского дела, которого там сейчас делать нельзя»⁵.

И в докладе З. Гиппиус, и в выступлениях говорилось о необходимости развивать не только литературу, но и другие отрасли миросозерцания, в том числе философию, чтобы потом вернуть все это богатство России.

Большое внимание на заседаниях «Зеленой лампы» уделялось обсуждению современной поэзии (реже прозы) в свете классической традиции и традиций литературы Серебряного века. В частности, дважды собрания посвящались поэзии Александра Блока (в 1928 г. обсуждался доклад Г. Адамовича «Судьба Александра Блока»; в 1937 г. — дискутировалась тема «Блок и Россия»). Широкий резонанс, по свидетельству очевидцев, имел доклад Г. Иванова «Шестое чувство (о символизме и судьбах поэ-

¹ Цит. по: *Тератиано Ю.* Встречи: 1926—1971. С. 327.

² Там же. С. 318.

³ Там же. С. 321.

⁴ Там же. С. 316.

⁵ Там же. С. 326.

зии)», в обсуждении которого 21 марта 1930 г. приняли участие Г. Адамович, И. Бунин, В. Злобин, Д. Мережковский, К. Мочульский, Н. Оцуп, Б. Поплавский, Н. Рейзини (1902—1979), М. Слоним.

Немало внимания уделялось проблемам современности: в 1928 г. прошел диспут «Левизна в искусстве»; в 1929 г. обсуждался доклад Г. Адамовича «Конец литературы»; в 1930 г. прошло собеседование на тему «Чего они хотят?» о «Современных записках» и журнале «Числа»; в 1935 г. — вечер памяти Б. Поплавского; в 1938 г. состоялся большой разговор о современной поэзии в связи с обсуждением книги Г. Иванова «Распад атома». Внимание участников собраний привлекали и более общие темы: «Эмигрантский молодой человек» (1931), «Человек и машина», «Одинокий человек в эмиграции» (1938), «Что с нами будет? (Атлантида — Европа)» (1931). Две беседы со вступительным словом Д. Мережковского (30 мая 1929 г.) и докладом З. Гиппиус (3 июня того же года) были посвящены метафизике любви (доклад был позднее опубликован в «Числах», 1931, № 5).

В вечерах стихов «Зеленой лампы» участвовали почти все поэты русского Парижа.

«Союз молодых писателей и поэтов»

Если «Союз русских писателей и журналистов» (как и «Современные записки») объединял в основном «стариков», то молодежь входила в «Союз молодых писателей и поэтов». До его создания существовали кружки, наиболее активными и яркими фигурами в которых были эмигрировавшие в первые годы революции парижские старожилы — художник и эзотерический прозаик Сергей Шаршун, поэт Александр Гингер (1897—1965), Борис Божнев, полуфутурист Георгий Евангулов (1894—1967).

Русские поэты устраивали в Париже вечера с чтением стихов и докладов.

В конце 1924 — начале 1925 г. Юрий Терапиано, Вадим Андреев, Довид Кнут, Антонин Ладинский и Виктор Мамченко основали «Союз молодых писателей и поэтов» (1925—1940), первым председателем которого стал Ю. Терапиано. В дальнейшем, уже в 1930-е гг., председателем этого объединения не раз избирался поэт Юрий Бек-Софиев, в 1955 г. вернувшийся на родину.

Союз вел весьма активную деятельность. По субботам в кафе «Ла Болле» на улице Данфер-Рошро молодые писатели читали свои произведения и весьма нелицеприятно, с юношеским максимализмом их обсуждали. Как правило, в обсуждениях участвовали Г. Адамович и Г. Иванов, чей авторитет был непререкаем. Однако этим дело не ограничивалось. Собрания молодых писателей были и своего рода школой мастерства. На первых заседаниях Союза с докладами о Е. Баратынском (1800—1844) и о поэзии выступал К. Бальмонт, о современной литературе — поэт и литературовед М. Гофман (1887—1959). Поэт Ю. Мандельштам (1908—1943) читал доклады «Парнасское начало и лирика», «Лирика Гумилева», поэт Г. Раевский (брат Н. Оцуца) — «О конце искусства»; поэт и критик И. Голенищев-Кутузов (1904—1969) — «Проблема современной эстетики и литературная критика», где подвергал анализу эстетику Бенедетто Кроче (1866—1952).

Иногда на таких заседаниях выступали с чтением своих новых произведений и маститые, например М. Осоргин. Союз организовывал и более широкие литературные вечера, сперва в подвалах кафе «Ла Болле», затем «Мефисто».

Внутри объединения молодых писателей и поэтов порой создавались различные группировки. Одной из таких стала созданная в 1928 г. поэтами Ю. Терапиано, Г. Раевским, В. Смоленским и прозаиком А. Алферовым (1903—1954) группа **«Перекресток»**¹ (название предложил Д. Кнут: «Мы сошлись на перекрестке»), тяготевавшая к В. Ходасевичу и классическим формам стиха. На ее собраниях обычно сочетались выступления молодых писателей с чтением своих произведений и доклады литературных критиков. Так, на тему «О молодых поэтах» делал доклад С. Маковский, «О простоте поэзии» — В. Вейдле. Впрочем, с теоретическими сообщениями выступали и сами молодые: И. Голенищев-Кутузов не раз говорил о пафосе и патетичности в поэзии, Ю. Терапиано включился в обсуждение проблемы о смерти и умирании. Вышло две книжечки «Перекресток» (1930), включающие стихи названных и некоторых других поэтов.

В 1928 г. по инициативе критика **Марка Львовича Слонима** возникло еще одно объединение, преимущественно молодых писателей — **«Кочевье»**.

Позиция Слонима отличалась тем, что он не только признавал советскую литературу как часть единого литературного процесса, но и стремился познакомить с ней как можно больший круг зарубежной интеллигенции. Слоним регулярно выступал с докладом «Советская литература в [таком-то] году». Вечер Гайто Газданова мог чередоваться с обсуждением творчества Сергея Есенина, роман эмигранта Ивана Болдырева (1903—1933) «Мальчики и девочки» вызывал такой же интерес, как и проза начинающего советского писателя Леонида Леонова. Стихи Вадима Андреева и Бориса Поплавского обсуждались с такой же живостью, как и произведения Бориса Пастернака и Эдуарда Багрицкого (1895—1934). Вечер Алексея Ремизова с участием автора сменялся вечером памяти Владимира Маяковского. Особые заседания «Кочевья» были посвящены рассказам Михаила Зощенко и Валентина Катаева. Принимала участие в вечерах этого объединения и Марина Цветаева. В 1930 г. «Кочевье» торжественно отметило свой сотый вечер. Однако к середине 1930-х гг., когда в СССР восторжествовал социалистический реализм, и ряд крупных писателей были репрессированы, объединение захирело и в 1939 г. прекратило существование.

Такая же судьба, но несколько ранее, постигла альманах **«Версты»** (1926—1928), редактируемый Д. Святополком-Мирским, П. Сувчинским (1892—1985) и С. Эфроном, как сообщалось в первом номере, при «бли-

¹ Просуществовала до 1937 г.

жайшем участии А. Ремизова, М. Цветаевой и Л. Шестова». Два первых номера альманаха давали обширные перепечатки из советской периодики (поздние стихотворения С. Есенина, пять стихотворений И. Сельвинского (1899—1968), «История моей голубятни» И. Бабеля, два отрывка из революционного эпоса А. Веселого (1899—1938), отрывок из романа Ю. Тынянова «Кюхля») наряду с произведениями писателей эмиграции (рассказы А. Ремизова, «Москва под ударом» А. Белого, «Поэма горы» и трагедия «Тезей» М. Цветаевой, обзоры текущей литературы Д. Святополка-Мирского). Но уже в третьей (ставшей и последней) книге редакция отказалась от мысли о единстве двух потоков русской литературы.

«Кочевье» сыграло еще одну важную роль в развитии литературы Русского Зарубежья, роль, не предусмотренную М. Слонимом и другими его организаторами. На заседания «Кочевья» ходил завсегдатай «русского литературного Монпарнаса», журналист и предприниматель Николай Рейзини (Наум Георгиевич Рейзен), хорошо знавший, какую трудность для молодого автора составляло издание своих произведений, и решивший создать для этих целей журнал. Своих денег у него тогда не было (позже, переехав в США, Рейзини разбогател, стал владельцем шахт и киностудий), но он сумел заинтересовать богатую даму, увлеченную эзотерическими проблемами (в первую очередь тибетской философией), меценатку Ирму Владимировну Манциарли (1898—1950), давшую деньги и ставшую формальным редактором журнала «**Числа**». По воспоминаниям В. Яновского, позднее И. Манциарли с ужасом говорила, что вместо благообразного «приятного» полурелигиозного издания вышло что-то сверхсовременное и даже, по ее мнению, неприличное. Фактическим редактором «Чисел» стал по рекомендации Г. Адамовича и Г. Иванова **Николай Авдеевич Оцун**.

За четыре года (с 1930-го по 1934-й) вышло 10 номеров журнала. «Числа» стали зеркалом творческих исканий молодых писателей, рупором новаторских идей, оппозицией традиционалистским «Современным запискам» и «Русским запискам».

Именно здесь сформировалось то многообразное единство, что получило название «русского Монпарнаса», или «**парижской ноты**». Термин «парижская нота» принадлежит **Борису Юлиановичу Поплавскому** и характеризует то метафизическое состояние души молодых художников, в котором соединяются «торжественная, светлая и безнадежная» ноты¹.

Духовным предтечей «парижской ноты», по утверждению одного из самых глубоких ее исследователей Г. Федотова, был М. Лермонтов, воспринимавший

¹ Поплавский Б. О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции // Числа. 1930. № 2—3. С. 311.